

Г. С. Омарбаева, Н. Ю. Зуева

«ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ» КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Изучением просторечия занимались В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, О.С. Сорокин, Л.П. Крысин, Ф.Д. Бондалетов, Ю.А. Бельчиков, Б.А. Ларин и другие.

В решение вопроса о том, что такое просторечие, входит или не входит просторечие в литературный язык, значительный вклад внесла статья Ф.П. Филина «О структуре современного русского литературного языка» /1, 11/. В этой и последующих работах Ф.П. Филин показал принципиальную разницу между элементами типа *карга, каюк, выпендриваться*, с одной стороны, и *процент, выборА* – с другой. Первые – это «языковые средства» (слова, обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы, особенности произношения), потребляемые всеми образованными людьми для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли (своего рода «низкий стиль» нашего времени), вторые – «элементы речи лиц, не вполне овладевших литературным языком или вовсе малограмотных». К внелитературному просторечию относятся языковые явления всех уровней, которые «образованный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах, разве что только нарочно, подражая малограмотному или передразнивая его». Элементы первого типа Ф.П. Филин называет литературным просторечием, элементы второго – внелитературным просторечием.

Все, кто относят просторечные элементы к фактам литературного языка, относят их к стилистически сниженным средствам. Но если одни из сторонников отмеченной точки зрения различают элементы просторечные, то другие (например, Ю.С. Сорокин) не считают разницу в степени интенсивности окраски достаточным основанием для разграничения тех и других элементов. Придавая просторечие фактом внелитературным, лингвисты обычно считают, что оно уже в силу своей внелитературности не может принадлежать к стилистическим средствам литературного языка.

Мы придерживаемся точки зрения Ф.П. Филина, который считает, что «существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка;

2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком».

Основная причина разногласий в понимании состава стилистически маркированных средств и их дифференциации – это то, что все еще остается неопределенным само понятие стилистической маркированности, а другие проблемы, связанные с этими средствами, не имеют однозначного решения. Характеристики стилистически маркированных средств, встречающиеся в лингвистике, весьма пестры, тем не менее их можно разбить на 2 группы:

1) элементы, употребляющиеся во всех условиях общения;

2) элементы, имеющие стилистическую окраску, по терминологии некоторых авторов, – экспрессию.

Исследователи отмечают, что «термин "просторечие" многозначен даже применительно к объектам современного синхронного уровня. Им обозначаются: 1) "общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся вне литературного языка" (это внелитературное просторечие); 2) "сниженные, грубоватые шементы в составе самого литературного языка (литературное просторечие)» /2,65/.

В монографии «Городское просторечие: Проблемы изучения» /3, 17/ отмечается: «Просторечие – проблема социолингвистическая, а в социолингвистике действует, как правило, **многотомный подход** с учетом личностной и социальной характеристики собеседников, их установок, намерений, общего опыта, предыстории и условий протекания разговора... Окраска создается не одними только языковыми средствами, а комплексом факторов, в том числе и экстралингвистических».

При социолингвистическом подходе Л.П. Крысин выделяет два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (просторечие–1), и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, не владеющие нормами литературного языка: «их речь лишена

диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (просторечие–2)» /4, 56/.

Далее, опираясь на опубликованные работы, описывающие современное русское просторечие, на собственные наблюдения, Л.П. Крысин выделяет наиболее характерные языковые признаки каждой из этих двух разновидностей просторечия. Они отличаются специфическими чертами на всех уровнях – в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе. Но просторечие–2 в лингвистическом отношении «менее специфично, чем просторечие–1, в области фонетики и морфологии: фонетические и морфологические особенности имеют *спородический, случайный характер и нередко локализованы в отдельных словах и словоформах*» /4, 63/. Примем этот вывод в качестве основной особенности просторечия–3, носителями которого является современная интеллигенция (горожане с высшим образованием, владеющие кодифицированным литературным языком). Именно для этой разновидности литературного языка мы используем термин «интеллигентское просторечие». В отличие от просторечия–2 его носителями являются лица с высшим образованием, которые включают в свою речь элементы стилистически отмеченной разговорной речи. В устной речи они связаны с РР, а в художественной являются экспрессивно-эмоциональными средствами идиостиля писателя. Л.П. Крысин, рассматривая взаимоотношения литературного языка и просторечия и отмечая просторечие как питательную среду для литературного языка, говорит об образовании промежуточных форм речи. «Одним из наиболее своеобразных результатов взаимного влияния литературного языка и просторечия является образование таких форм речи, которые занимают промежуточное положение: это и несобственно-литературный язык, и не чистое просторечие» /4, 103/. И далее: «По мере накопления материала наблюдений над живой современной речью можно будет сделать более обстоятельные выводы о характере совмещения в одном идиолекте просторечной и литературной манер и о специфике состава лиц, пользующихся такими формами современного русского языка» /4, 105/.

По нашему мнению, изучение языка научно-публицистических статей Ю. Трифонова позволяет говорить о том, что писатель владел этим «промежуточным» типом речи, в который как вкрапления включались лексические и синтаксические единицы как сигналы разговорной речи и создавались даже индивидуально-авторские слова по типу разговорных лексем. При-

ведем примеры этих слов, которые встретились нам в произведениях Ю. Трифонова. Их можно уже рассматривать как узуальные единицы, характеризующиеся экспрессивностью и эмоциональностью, входящие в состав разговорной речи: *вкалывать, врезать, доходяга; без дураков, забегаловка, навалом, показуха, распахиваться, втихаря* и другие.

Приведем еще одно положение Л.П. Крысина: «Можно говорить о нескольких формах влияния современного просторечия на литературный язык. Одна из таких форм – использование просторечных элементов в литературной речи (в основном – устно-разговорной) в качестве *стилистического средства*».

Приведем также отмеченное в «Словаре "Русский язык: Энциклопедия" такое положение: «Просторечие как сниженный, эмоционально окрашенный способ изображения действительности входит в состав литературного языка, свойственно речи и *образованных людей*» /5/.

Не менее важным для нашего исследования является положение из «Лингвистического энциклопедического словаря» о том, что когда сформировалась и стала функционировать в рамках русского литературного языка разговорная речь, границы просторечия стабилизировались: сложились формы соотношения и взаимодействия просторечия с литературным языком, в результате чего образовалось *литературное просторечие*, служащее границей литературного языка с народно-разговорным языком, – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской "сниженности, грубости, фамильярности" /6, 402/.

В монографии Л.К. Жаналиной, К.Т. Аубакировой «Основы стилистического словообразования» выделены два типа просторечия: нормативное (=литературное) и ненормативное (=нелитературное). Рассматривая соотношения просторечия и разговорной лексики, авторы пишут: «Просторечие – весьма неоднородный стилистический пласт по своему отношению к разговорному стилю и по отношению к норме и узусу... Просторечие оказывается поделенным между двумя функциональными разрядами (разговорной лексикой и собственно просторечием)». Литературное просторечие объединяется с разговорной лексикой, а нелитературное просторечие выделено авторами как собственно-просторечие /7, 47/.

Уместно заметить, что эти единицы в художественной речи, приобретая в процессе функционирования дополнительные речевые конно-

тации, могут ослаблять свою грубость, сниженность и усиливать экспрессию и часто оценочность.

Важным в аспекте изучаемой проблемы является следующее положение из статьи В.Д. Девкина «О видах нелитературной речи»: «Речь интеллигентного человека в идеале должна была бы быть совершенно свободна от просторечных элементов. Однако не является исключением то, что они в ней все встречаются. Это вызывается различными причинами. В одних случаях своеобразным маскарадом, когда говорящий сознательно переключается на чужой социодialeкт с целью подчеркивания, иронизации, паясничанья... У образованного человека богаче регистры и переключение с одного на другой происходит свободнее, чем у того, кто, обладая невысокой речевой культурой, может многие сниженные явления применять наивно, безотчетно, не придавая им функциональной нагрузки» /8, 18/.

Об этом же Т.Г. Винокур пишет так: «Не только в книжной, но и в разговорной речи интеллигенцию отличает умение вживаться в любой языковой «образ», растворяться в нем, приспособлять его к *выразительным* задачам речевого общения, т.е. делать «чужое» «своим», а значит, относиться к разным типам речевой деятельности «рефлексивно», принося даже в разговорную речь момент социального отбора, выражающегося в том, что стилистические столкновения используются в интеллигентной речи гораздо чаще с *экспрессивным подтекстом*, чем прямолинейно» /9, 317-318/.

Приведем также высказывание О.А. Лаптевой в ее работе «Русский разговорный синтаксис»: «... лица с более развитым чутьем языка... охотно используют сниженные речевые средства, даже просторечные – с целью разнообразить речь и достичь нужного стилистического эффекта» /9, 34/.

Именно такое понимание интеллигентной речи дает основание выделить особый функциональный тип речи – «интеллигентское просторечие». В принятом нами понимании "интеллигентского просторечия" термин "просторечие" как бы возвращается к своему изначальному смыслу: просторечие – простая речь, близкая к разговорной речи.

"Интеллигентское просторечие" является ярким выражением общих тенденций развития современного русского языка. Мы имеем в виду наиболее существенный процесс, которым характеризуется современный литературный язык. Это процесс демократизации языка, о чем в

монографии "Русский язык и советское общество" написано так: «В результате демократизации русского языка сильное влияние разговорной стихии испытали все другие функциональные разновидности литературного языка: это касается не только синтаксиса, но и лексики, и словообразования, и фонетики (в меньшей степени – морфологии)» /10, 3/.

Приведем пример художественно обработанного «интеллигентского просторечия» из повести Ю. Трифонова «Предварительные итоги». Герой этой повести (он же повествователь) – писатель, переводчик Ребров. Выбор повествования от первого лица, от лица героя, дает возможность проследить, как в его речи реализуются языковые средства, связанные с социальным статусом героя. Перед Трифоновым стояла не только задача изображения его жизни, но еще и задача изображения его речи, внутреннего монолога героя из интеллигентской среды: «*Два года назад, когда меня пнул гипертонический криз - летом, в электричке, ехали на дачу в Хотьково, и вдруг я поплыл, стал задыхаться, выскочил на первой станции. Рита проявила мужество, – Лариса устроила мне некоего Печенега А.Е., знаменитость. К нему в клинике стоят по два месяца в очереди... чаровала, как могла. Не знаю уж, что у нее за чары. Но что-то есть. Как женщина она, на мой взгляд, непривлекательна: толста, малоросла, посадка низкая. Но лицо миловидное, круглое, и глаза всегда блестят, такая протобестия с румяными щечками, не скажешь, что сорок лет. О господи, причем тут Лариса?*» Нервные перебивки речи, внезапные риторические вопросы, экспрессивно окрашенные словечки, разговорные синтаксические конструкции – эти языковые особенности и составляют отличительные черты речи интеллигента Реброва.

Речь героя «Предварительных итогов» не только иронична, но и самоиронична. Иронию на свою речь можно увидеть в таких, например, рассуждениях героя: «*У меня есть пристрастие к цитатам. Also, - думаю я с удовольствием, - SprachZa-*». *Изумительно точная цитата. Одна из тех, что сопровождает меня всю жизнь. В ней есть философское отношение к жизни, начитанность, интеллигентность, знание языков, а также - ерунда, обман*». Как кажется, за этим самонаблюдением над собственной речью раскрывается не только ирония героя, но и авторская ирония, который видит в пристрастии к цитатам и словечкам не только "литературность" героя, но и псевдолитературность, ибо

цифрование обнаруживает растерянность героя перед действительностью, с которой он не в состоянии справиться при помощи цитат. Ирония автора возникает на переплетении цитат и городского сленга персонажа.

Следует подчеркнуть, решая сложную задачу речевой характеристики персонажа-рассказчика, Ю. Трифонов не стремится к натуралистическому воспроизведению прямой речи человека из интеллигентной среды, а создает внутренний монолог как форму повествования, подчиненную идейно-эстетическим задачам повести.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что «интеллигентское просторечие», в отличие от традиционного термина «городское просторечие», имеет следующие основные особенности:

- «городское просторечие» в принятом толковании характеризует речь «горожан среднего и молодого поколения, имеющих незаконченное среднее образование, не владеющих нормами литературного языка». «Интеллигентское просторечие», в нашем понимании, характеризует речь людей с высшим образованием, владеющих литературными нормами;

- употребление в речи образованных людей стилистически маркированных единиц, с одной стороны, приближает эту речь к разговорной (в особенности в ее синтаксическом построении), а с другой стороны, через стилистически сниженные лексемы приближает их к городскому просторечию. Но с одной существенной оговоркой: эти лексемы отличаются как качественно, так и количественно;

- качественное их отличие заключается в том, что стилистическое их снижение происходит в рамках, допустимых литературным языком; количественное – в том, что сниженные

лексемы употребляются для усиления экспрессии и «языковой игры», а не являются показателями невладения литературными нормами; встречающиеся единичные просторечные слова и жаргонизмы употребляются на фоне литературной лексики, причем в основном при передаче диалогической речи.

1. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 11.

2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение. – 1987. – С. 65.

3. Городское просторечие: Проблемы изучения // Сб. статей. – М.: Наука. – 1984. – С. 188.

4. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты современного русского языка. – М.: Наука. – 1989. – С. 56.

5. Русский язык: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – 1979. – С. 239.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия. – 1990. – С. 402.

7. Жаналина Л.К., Аубакирова К.Т. Основы стилистического словообразования. – Алматы, 1999. – С. 47.

8. Девкин В.Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие: Сб. статей. – М., 1984. – С.18.

9. Винокур Т.Г. Функциональная и социальная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. – М.: Наука. – 1977. – С. 317–318.

10. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка. – М.: Наука. – 1968. – С. 233.

«Әдеби тіл» әдеби нормаларға ие жоғары білімді адамдардың сөйлеуін сипаттайтын, сонымен қатар озінің сөйлеуін күшейту үшін экспрессия, бағалау, мәнрлілік сияқты стилистикалық таңбалық бірліктерді қосатын тіл.

«Literary popular speech» characterizes speech of people with the higher education, owning literary norms, but including in the speech стилистически marked units for expression strengthening, оценочности, expressiveness.

Н. А. Оспанова

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ ТЕҢЕУДІҢ ЖАСАЛУ ЖОЛДАРЫ

Теңеу - адамның рухани дүниесінің аса қуатты көріністерінің бірі. Ең алдымен ол ең пәрменді ойлау формаларының қатарына жатады. Теңеу таным құралы болумен қатар, эстетикалық категориялардың да бірі болып табылады. Олай болуы заңды да. Өйткені адамның көркем ойлауының, соған орай көркемдік танымының аса қуатты құралдарының бірі - көркем әде-

биетті теңеулерсіз көз алдына елестету мүмкін емес. Теңеу барлық халықтың фольклорында да, жазба әдебиетінде де кеңінен орын алып, әдеби персонаждардың портреттерін жасауда, табиғат көріністерін суреттеуде, кейіпкерлердің мінез-құлқын, іс-әрекеттерін сипаттауда, басқа да толып жатқан жай-жағдаяттарды баяндауда ұтымды стильдік тәсіл ретінде мейлінше мол